Захаванне дзяржаўнай уласнасці на большую частку вытворчых фондаў фактычна дазволіла прадухіліць іх дэградацыю. Беларускі вытворчы сектар апынуўся ў выгадным становішчы ў параўнанні з аналагічным сектарам краін-суседзяў, якія, ва ўмовах празмернай захопленасці прыватызацыяй, часта гублялі прыватызаваныя вытворчыя магутнасці.

Пазітыўная ацэнка сусветнай эканамічнай супольнасцю стабільнасці ў Беларусі, якая выклікала павышэнне рыначнай вартасці захаваных актываў, дазваляе перайсці да іх паскоранай мадэрнізацыі. Сканцэнтраваныя ў дзяржаўнай уласнасці актывы даюць магчымасць Беларусі мець рэальнае эканамічнае забеспячэнне палітычнага суверэнітэту краіны. Найбольш перспектыўным шляхам для паскарэння мадэрнізацыі дзяржаўнага сектара эканомікі ў сучасных умовах з'яўляецца продаж нязначных пакетаў акцый прадпрыемстваў на сусветных біржах для прыцягнення інвестыцый без страты кантролю над імі з боку дзяржавы і далейшага павелічэння рыначнай вартасці. Вопыт Беларусі па эфектыўным развіцці пераважна дзяржаўнага сектара, за наяўнасць якога заходнія краіны крытыкуюць Беларусь, стане з часам імі ж запатрабаваны.

Літаратура

1. *Nodia, G.* How different are postcommunist transitions? / G. Nodia // Democracy after communism: coll. of art. / The Johns Hopkins University Press; ed. by L. Diamond and M.F. Plattner. – Baltimore, 2002. – P. 3–17.
2. *March, R.J.* Introduction: paradoxes of democratization in postcommunist Belarus / E.A. Korosteleva, R. March, K. Lawson // Contemporary Belarus: between democracy and dictatorship: coll. of art. / RoutledgeCurzon; ed. by E.A. Korosteleva, C.W. Lawson and R.J. Marsh. – London; New York, 2002. – P. 1–20.
3. *Lawson, C.W.* Path-dependence and the economy of Belarus: the consequences of late reforms / C.W. Lawson // Contemporary Belarus: between democracy and dictatorship: coll. of art. / RoutledgeCurzon; ed. by E.A. Korosteleva, C.W. Lawson and R.J. Marsh. – London; New York, 2002. – P. 125–136.
4. *Krivosheev, D.* Belarus's external relations / D. Krivosheev // Contemporary Belarus: between democracy and dictatorship: coll. of art. / RoutledgeCurzon; ed. by E.A. Korosteleva, C.W. Lawson and R.J. Marsh. – London; New York, 2002. – P. 176.
5. *Rotman, D.G.* President and opposition. Specific features of the Belarusian political scene / D.G. Rotman, A.N. Danilov // Contemporary Belarus: between democracy and dictatorship: coll. of art. / RoutledgeCurzon; ed. by E.A. Korosteleva, C.W. Lawson and R.J. Marsh. – London; New York, 2002. – P. 101–102.
6. *Brzezinski, Z.* The primacy of history and culture / Z. Brzezinski // Democracy after communism: coll. of art. / The Johns Hopkins University Press; ed. by L. Diamond and M.F. Plattner. – Baltimore, 2002. – P. 194–200.

Summary

The article outlines the stages of the sovereignty formation of the Republic of Belarus in the 90th. The twentieth century.: Declaration of State Sovereignty of the Byelorussian SSR, the referendum, March 17, 1991, August 25, 1991; it was decided on the political and economic independence of Belarus, September 19, 1991 the Byelorussian SSR was renamed as the Republic of Belarus, December 8, 1991 decision on the dissolution of the Soviet Union and its reorganization to the CIS. The ideas for further development of the Republic of Belarus: Western project – Belarus as a transit country, Belarus project – market economy efficiently combined with state planning. The way path, continuing state ownership of most of the production assets, actually prevented the Belarusian economy from degradation.

Паступіў у рэдакцыю 14.01.2014 г.

УДК 321.01

С.М. Алейникова,
кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник
НИИ теории и практики государственного управления
Академия управления при Президенте Республики Беларусь

К ПОНЯТИЮ «ДУХОВНОСТЬ»: РЕЛИГИОЗНОЕ, НРАВСТВЕННОЕ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЕ?

Именно концепт «духовность» («духовно-нравственное воспитание», «духовное возрождение») на сегодняшний день можно обозначить как один из самых популярных в образовательной среде, политической и конфессиональной риторике и в то же время наиболее «размытых» в семантическом плане. Духовность традиционно противопоставляется процессам вестернизации и релятивизации аксиологических систем, выступая в качестве образа безусловного «друга» и одного из главных ориентиров воспитания подрастающего поколения, способствующего межпоколенной трансляции традиционных ценностей и сохранению социокультурной идентичности белорусского общества.

Среди основных проблем в образовательной сфере традиционно выделяют подготовку учителя (педагога), содержание, а также способы (формы, методы) воспитания [1]. Однако ключевой является проблема выявления, осмысления и наполнения, в первую очередь, содержания, то есть проблема понимания духовности в духовно-нравственном воспитании.

В этой связи актуализируется задача выявления основных подходов, изначальных смыслов, анализа наиболее распространенных кон-

Рэпазіторый БДПУ

текстов обращения к концепту духовности в образовательном пространстве, религиозном и политическом дискурсе.

Этимология и значение слова. Термин «духовность», являясь производным от корня «дух», в обыденном сознании, как правило, отождествляется с православной религиозной традицией. Однако духовность более обоснованно можно обозначить как смысловое новообразование, являющееся распространенным идеологическим конструктом, заимствованным из русской религиозной философии. Непосредственно же в православной религиозной традиции и, в частности, в словаре церковнославянского языка понятие «духовность» в принципе отсутствует, а родственное «духовный» трактуется как противоположность телесному, естественному мышлению и действованию, происходящему от Духа Святого: «живущий духом, как высшей частию существа человеческого» [2, с. 157]. Отсутствует данное понятие и в большинстве этимологических словарей русского языка, включая в себя только коренное «дух».

Так, этимологический словарь русского языка Макса Фасмера дает следующее определение духа: «Дух – ст.-слав. духъ (греч. πνοή, ψυχή), русск. дух, укр. дух (род. п. ду́ху), болг. дух(ъ́т), сербохорв. дух (род. п. духа), словенск. duh, чешск. duch, польск., в.-луж., н.-луж. duch. Родственно лит. daũsos «воздух», dvãsė «дух, душа», dvesiù, dvẽsti «дохнуть», греч. θεός «бог» (*θεσός), θέειον «сера» (*θεσειον); готск. dius «зверь», др.-в.-нем. tior «животное» [3, с. 556].

Как следует, подобные по звучанию и значению слова, помимо славянской языковой группы, имеют литовский и греческий, а также германские языки (готский и древневерхненемецкий). Все указанные группы языков относятся к различным ветвям индоевропейской языковой семьи. На наличие у этого слова индоевропейской базы указывает и историко-этимологический словарь П.Я. Черных [4, с. 276]. Это дает основание предположить, что коренное слово «дух» возникло в языке праиндоевропейцев и было связано с появлением первых религиозных верований.

Понятие духовности появляется лишь в относительно поздних толковых словарях русского языка, окончательно оформившись только к первой половине XX в. Д.Н. Ушаков трактует его как книжное и устаревшее и подразумевает «отрешенность от низменных, грубо чувственных интересов, стремление к внутреннему совершенствованию, высоте духа» [5]. С.И. Ожегов рассматривал духовность как «свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными» [6]. В словаре В.И. Даля присутствует лишь краткая пометка «духовность как сост. духовного» [7].

Словарь же современного русского литературного языка содержит следующую дефиницию: «Духовная, интеллектуальная природа, сущность человека, противополагаемая его физической, телесной сущности; богатство духовного мира человека, высокий уровень нравственных, интеллектуальных потребностей, норм» [8, с. 531].

Таким образом, сформировавшееся как производное от корня «дух», понятие духовности оформилось в русском языке изначально в рамках светской, академической традиции как противопоставление материальной, телесной, тварной природе человека. Русская религиозная философия (Н. Бердяев, В. Соловьев и др.) придала данному значению религиозный смысл, который и был заимствован и широко транслирован в современной религиозной и политической риторике.

Духовность и идеологическое конструирование: «друзья», «враги». В настоящее время сложную и многомерную семантическую структуру «духовности», по мнению некоторых исследователей, образует целый ряд духовно-нравственных концептов. Таким образом, выделяют ядро смыслового поля духовности (дух, душа, нравственность, совесть и др.), его центр (ответственность, закон, патриотизм, справедливость, соборность) и периферию (множественные ассоциативные связи) [9, с. 36]. В этой связи необходимо четко разделять духовность как идеал и духовность, как процесс и реальный феномен, который поддается операционализации и измерению социально-психологическими переменными [10, с. 44]. Понимание духовности в первую очередь как процесса – развития и совершенствования человека и общества – стало рассматриваться уже как неотъемлемая часть идеологии и обязательная составляющая воспитательно-образовательного процесса. В то же время, как и любая идеологическая конструкция, концепт «духовность» не лишен внутренних противоречий и двойственности толкований.

В настоящее время в научной литературе и в общественно-политическом дискурсе сложились две основные трактовки духовности: светская (секулярная) и религиозная.

Светская трактовка предполагает культурно-ценностное понимание духовности и, как правило, связывает ее развитие с нематериальной сферой. Контент-анализ научных статей, предметом рассмотрения которых является концепт духовности, позволяет построить синонимический ряд, включающий в себя наиболее часто упоминаемые слова-характеристики духовности. К ним относятся «нравствен-

Рэпазіторый БДПУ

ность», «нематериальное», «коллективное», «общественное». Среди характеристик-противопоставлений чаще всего упоминаются «индивидуализм», «разрушение традиций», «дезинтеграция». В то же время указанные противопоставления связываются исключительно с кризисом духовности, но не с кризисом системы образования и снижением общего уровня культуры.

В этой связи необходимо также различать категории «духовность общества» и «духовность человека», поскольку первое включает и предполагает обязательное присутствие материального фактора. Соответственно источники формирования и инструменты межпоколенной трансляции духовных ценностей являются исключительно материальными, поскольку связаны с государственным регулированием и деятельностью таких социальных институтов, как образование, наука, культура и т. п. Осуществление деятельности данных социальных институтов невозможно без развитой инфраструктуры (школ, библиотек, музеев, подготовки педагогических кадров и т. д.), бюджетного финансирования и широкого спектра программ государственной поддержки социальной сферы.

Отдельно следует выделить мотивационный подход, когда понятие духовности характеризуется поведением, побуждаемым не потребностями человека, а его ценностями, то есть является характеристикой сознания личности, определяющей социальную активность и выступающей одним из механизмов ее саморегуляции. Это дает основание некоторым авторам также отнести духовность к родовым определениям человеческого способа жизни [10, с. 20].

К светской трактовке духовности приближена и риторика первых лиц государства, но в ней, как правило, отсутствуют противопоставления. В частности, в выступлениях Президента Российской Федерации «духовность» чаще всего понимается более широко и ставится в один ряд с культурой и образованием, хотя и выделяется в отдельную смысловую категорию: «духовность ***и*** культура», «духовность ***и*** образование».

В выступлениях Президента Республики Беларусь концепт духовности отождествляется главным образом с нравственностью и гуманизмом и дополняется довольно широким ассоциативным рядом в большей степени эстетических, абстрактных категорий («доброта», «созидание», «чуткость», «красота», «искусство», «мир», «правдивость», «патриотизм», «материнство» и др.). Таким образом, смысловое наполнение концепта духовности характеризует идеальный образ национального архетипа восточных славян.

Стереотипное же понимание духовности, наиболее распространенное в обыденном сознании, соответствует достаточно узкой религиозной трактовке. Духовность связывается исключительно с верой в трансцендентное и, как правило, ставится в один синонимичный ряд с религиозностью и как производное от религиозности – нравственностью. Религиозное понимание духовности определяет подход к культуре как к производной от православия или другой «титульной» религии, то есть так или иначе является монополизационным. Соответственно единственным легитимным носителем «духовности» и инструментом ее «возрождения» априори подразумеваются РПЦ и православие, берущие на себя роль безусловного «друга».

Общим с приведенными трактовками является то, что основным синонимом духовности выступает нравственность, хотя и в различном понимании, однако в конфессиональной риторике четко формируется образ-противопоставление. Так, если анализировать выступления Патриарха Кирилла, в которых присутствует обращение к концепту духовности, то основной характеристикой духовности в понимании главы РПЦ является «нравственность» («нравственное воспитание», «нравственные ценности», «нравственный контроль» и т. п.). В качестве противопоставления духовности предсказуемо выступают «кризис», «коррупция», «смута», «Европа» и «Интернет», формируя тем самым объективированный образ «врага» – как внешнего («Европа», «кризис»), так и внутреннего («Интернет», «коррупция»).

Проблемы и противоречия. Таким образом, стереотипное понимание духовности изначально строится на ряде противопоставлений:

1) *противопоставление нематериального материальному* (духовности прагматизму);

2) *противопоставление общего личному* (общих, соборных, коллективных ценностей индивидуализму). Здесь же следует упомянуть об активном и последовательном неприятии, в частности, РПЦ основ конституционного строя современного демократического государства – концепции прав человека, предполагающей индивидуализацию сознания и сосуществование множественности ценностных систем.

В этой связи можно привести достаточно неожиданные результаты исследований, посвященных выявлению особых «коллективных» ценностей, присущих религиозному человеку. Исследование показало, что респонденты, обладающие православным мировоззрением, характеризуются преобладанием коллективных ценностей над индивидуальными и имеют

Репозиторий БГПУ

более выраженный экстрапунитивный тип реакции. Однако в качестве противопоставления «коллективным» ценностям выступил индивидуализм нерелигиозных респондентов, основной реакцией на внешние раздражители которых является апелляция не к высшим силам и властным структурам, а «принятие *собственной* ответственности за события и их последствия» [11, с. 109]. Возможно, неготовность к собственной ответственности и можно назвать традиционной чертой славянского менталитета, но ее оценка в качестве ценности представляется достаточно сомнительной;

3) *противопоставление прошлого настоящему и будущему* (традиционных ценностей как основы духовности вестернизации и глобализации), то есть конструирование модели идеального прошлого. Духовность в данном контексте выступает скорее как форма существования традиции. Такое противопоставление ставит под сомнение целесообразность и ценность в принципе какого-либо развития, поскольку ориентировано не на развитие и устремление вперед, а возврат и статичное пребывание в состоянии «идеального прошлого». Об этом свидетельствуют и устойчивые словосочетания «возрождение духовности», «духовное возрождение» (не «развитие»).

Таким образом, изначально концепт «духовность» оформился как светское, мировоззренчески нейтральное понятие, обозначающее преобладание нематериальных качеств и интересов человека над материальными. В настоящее время в обыденном сознании данный концепт отождествляется с религиозной традицией и широко используется прежде всего в конфессиональной и политической риторике.

Однако, выступая изначально в качестве противопоставления, концепт «духовность» трансформируется главным образом в инструмент формирования образа «врага» (Европы, либеральных ценностей и т. д.) и в большей степени может быть охарактеризован как форма современного политического мифотворчества, чем общего социокультурного и ценностного ориентира.

Переход его из разряда мифотворчества в социальную реальность зависит в первую очередь от материальных факторов, традиционно противопоставляемых духовности. Разрешение этого противоречия позволит выработать единые ценностные и идеологические основания образовательного пространства, непосредственно формирующего преемственность национальных традиций в динамичных процессах социокультурного развития белорусского общества.

Литература

1. *Никитина, Н.Н.* Духовно-нравственное воспитание: сущность и проблемы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pedagogika-cultura.narod.ru/private/Articles/N_7/Nikinina_08_2.htm. – Дата доступа: 25.07.2013.
2. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений): Всех слов объяснено ок. 30000 / сост. Г. Дьяченко. – М.: Моск. Патриархат: Посад, 1993. – XXXVIII. – 1120 с.
3. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1 (А–Д) / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – 576 с.
4. *Черных, П.Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. В 2 т. Т. 1 / П.Я. Черных. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999. – 624 с.
5. *Ушаков, Д.Н.* Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ushakovdictionary.ru/. Дата доступа: 21.06.2013.
6. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ozhegov.org/words/7965.shtml. Дата доступа: 21.06.2013.
7. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://slovar-dalja.ru/slovar-dalya/dux/7615/. Дата доступа: 21.06.2013.
8. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 1 / Л.П. Алекторова и др. – 2 изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1991. – 741 с.
9. *Гостева, И.В.* Лингвокультурологическое поле «духовность»: структура и динамика / И.В. Гостева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 36. – С. 34–39.
10. *Кожина, Л.А.* Психологические подходы к определению понятия «духовность» / Л.А. Кожина // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2001. – Т. 23. – № 4. – С. 44–46.
11. *Быкова, А.Ю.* Взаимосвязь религиозных и политических ценностей российской молодежи / А.Ю. Быкова // Социология власти. – 2011. – № 1 – С. 107–110.

Summary

Problems of plurality of approaches to understanding concept «spirituality» in education and politics are considered. It is judged by the author that originally concept «spirituality» was issued as secular and the neutral concept designating prevalence of non-material qualities and interests of the person above material ones. Now in ordinary consciousness spirituality is identified with religious tradition and widely used in political rhetoric as one of the tools of political myths.

Поступила в редакцию 05.09.2013 г.

Репозиторий БГПУ